

Закамулина Миляуша Нурулловна, Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна
**ОСОБЕННОСТИ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
ПОЛИСИТУАТИВНОСТИ ВО ВРЕМЕННЫХ ФОРМАХ ПЕРФЕКТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И
ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ**

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей реализации референциального статуса категории пространственной полиситуативности перфектными временными формами во французском и татарском языках. В обоих языках перфект оказывается способным детерминировать референциальный статус полиситуативности, а также реализовать значения нонкального или тонкального предшествования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. II. С. 82-85. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.133.1+811.512.145

Филологические науки

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей реализации референциального статуса категории пространственной полиситуативности совершенными временными формами во французском и татарском языках. В обоих языках совершенный оказывается способным детерминировать референциальный статус полиситуативности, а также реализовать значения неканального или тонканального предшествования.

Ключевые слова и фразы: временная референция; темпоральный контекст; глагольная референциальная точка; полиситуативность; совершенный.

Закамулина Миляуша Нурулловна, д. филол. н., профессор
Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна, д. филол. н., доцент
 Казанский государственный энергетический университет
 gflutfullina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПОЛИСИТУАТИВНОСТИ ВО ВРЕМЕННЫХ ФОРМАХ ПЕРФЕКТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ[©]

В отечественной и зарубежной лингвистике референциальные значения предшествования, следования или одновременности (симультанности) глагольной синтагмы традиционно определяются относительно неканальной точки (от лат. *punct*), трактуемой как момент речи (= СЕЙЧАС), или тонканальной точки (от лат. *tunc*), определяемой как момент ТОГДА (в плане прошлого или будущего). Целью статьи является определение референциального статуса пространственной полиситуативности, представленной совершенными формами – *Passé composé* / *Нәтиқәле ыткһн заман*. Выбор эмпирического материала – примеров из сказки А. Сент-Экзюпери «Маленький принц» (1) и из произведения А. Дюма «Три мушкетера» (2), (3), (4) – обусловлен желанием цитировать авторские переводы на трех языках. В первой части статьи исследуется потенциал формы совершенного в реализации референциальных значений глагольной синтагмы. Во второй части рассматриваются особенности референциального статуса полиситуативности.

Референциальный потенциал совершенного вызывает много споров. Форме *Passé composé* французского языка соответствует в татарском языке форма *Нәтиқәле ыткһн заман*. Нет единого мнения относительно качественно-темпорального значения совершенного. В общих трудах по грамматике форма *Passé composé* рассматривается и как форма предшествования, и как видовая форма завершенности действия. Ж.-П. Декле и З. Генчева определяют присутствующее во всех употреблениях значение совершенного как пару неразделимо связанных значений «состояния результата – события». «*Passé composé* имеет два фундаментальных взаимообусловленных значения, связанных с диахронной эволюцией формы: с одной стороны, аспектуальное значение *результативного состояния* предшествующего события, с другой стороны, аспектуальное значение *исходного события* (породившего результативное состояние), которые способен выявить только контекст» [10, р. 49]. М. Ригел, Ж.-К. Пелла и Р. Риуль различают совершенное настоящее / *l'accompli du présent* (процесс рассмотрен до своего завершения и является совершенным по отношению к моменту высказывания: *Nous avons emporté de quoi faire le thé*), антериорное настоящее / *l'antérieur du présent* (процесс соотносим с настоящим: *Quand il a déjeuné, César fait la sieste*) и прошедшее время / *le temps du passé* (временной ориентир расположен в прошлом и соотносен с моментом высказывания: *Je n'étais pas seul quand j'ai vu le rhinocéros!*) [13, р. 301]. Ко Вет различает четыре случая употребления *Passé composé*: настоящее результативное / *présent résultatif*, настоящее ранее испытанное / *expérientiel*, антериорное настоящее / *l'antérieur du présent*, повествовательное настоящее / *passé narratif* [15, р. 37-39]. По мнению В. Г. Гака, форма *Passé composé* как точечное время всегда ограничено во временных рамках, а как сложное время выражает предшествование, но не всегда завершенность [1, с. 337]. «Если рассматривать высказывание с точки зрения субъекта, то оно имплицитно процесс, реализуя, таким образом, неканальное предшествование, т.е. речь идет об акциональном совершенном; если рассматривать высказывание с точки зрения объекта, то в высказывании имеется состояние, т.е. речь идет о статальном совершенном» [4, с. 67]. Основным значением *Passé composé* в данной статье рассматривается временное значение предшествования действия по отношению к моменту речи.

Татарская форма *Нәтиқәле ыткһн заман* традиционно трактуется как выразитель значения совершенности с производным от первичного модальным значением неочевидности действия. «Форма на *-ган* обозначает прошедшее результативное действие, контактное с моментом речи. Результативность предполагает исчерпанность действия к данному моменту или переход его в состояние. Контактность с моментом речи означает актуальность результата действия для настоящего времени. ...Неочевидность / очевидность отмечаются среди парадигматических значений данной формы» [9, с. 56]. «Данная временная форма обозначает завершенное до момента речи действие» [8, с. 88].

Качественно-темпоральное ядерное значение – нонкальное предшествование – присутствует во всех случаях употребления перфектных временных форм и является строгим. Следовательно, пространственная полиситуативность локализована в прошлом до момента речи. Татарская форма *Нһтиқһле ыткһн заман* одинаково легко функционирует и в претеритальном, и в перфектном значениях [4, с. 75]. *Количественное темпорально-аспектуальное значение* ограниченной и неограниченной длительности перфекта как точечной временной формы определяет особенности реализации полиситуативности.

Каков же референциальный потенциал перфектных форм? *Passé composé* во французском языке и *Нһтиқһле ыткһн заман* в татарском языке обладают темпоральной автономностью. Неанафоричность данных форм заключается в том, что их количественное темпорально-аспектуальное значение ограниченной длительности имплицитно интервал реализации процесса, т.е. наличие временных границ обеспечивает их временную перфективность. Следовательно, для перфекта неглагольная темпоральность является необязательной. Согласно теории временной референции перфектные формы могут обозначать глагольную референциальную точку. В данном случае она имплицитно выражается глагольной синтагмой и соответствует представляемой ею экстралингвистической ситуации, а именно интервалу реального процесса [12, р. 19].

Как же объяснить способность *Passé composé* и *Нһтиқһле ыткһн заман* к глагольной репрезентации референции, если их количественное темпорально-аспектуальное значение односторонне ограниченной длительности не может выражать интервал, который мог бы быть признан референциальным? Возможно, ограниченность интервала удастся объяснить, сведя его к точке, так как всегда выражаемая формами перфекта завершенность имплицитно подразумевает наличие точки завершения (конец действия логически всегда предполагает его начало). Возможно, ограниченность интервала можно объяснить доминированием количественного *аспектуального значения ограниченной длительности* над количественным *темпоральным значением односторонне ограниченной длительности*, разведя эти два понятия. Последнее объяснение представляется более убедительным. Практический анализ темпоральных контекстов и обзор теоретической литературы однозначно указывают на возможность глагольного выражения референциальной точки перфектом. Проблема согласования теорий референциального интервала и количественного темпорально-аспектуального значения длительности не разрешена до конца. Однако сопоставительный анализ приведенных ниже примеров (1), (2) подтверждает истинность утверждения, что *Нһтиқһле ыткһн заман* в татарском языке и *Passé composé* во французском языке могут выражать глагольную референциальную точку.

(1) *J'ai appris ce détail nouveau, le quatrième jour au matin, quand tu m'a dit: 'J'aime bien les couchers de soleil. Allons voir un coucher de soleil...'* [14, р. 22]. *Бу турыда мин дһртенче кһнне иртһн белгән мен. Син: – Мин кояш батканын карарга яратам. Ыйды, кояш батканын карап торабыз, – дидеһ* [7, б. 24]. Я узнал об этом наутро четвертого дня, когда ты сказал: – Я очень люблю закат. Пойдем, посмотрим, как заходит солнце [6, с. 35].

В темпоральном контексте примера синтагмы *ai appris / белгән мен* в формах *Passé composé* и *Нһтиқһле ыткһн заман* выражают референциальный интервал. Они связаны отношениями семантической включенности с синтагмами *a dit / дидеһ* в тех же временных формах со значениями тонкальной симультанности или тонкального предшествования моменту речи: *Узнал как? Когда ты сказал*. Совпадающие референциальный интервал и интервал единичной ситуации представлены двукомпонентным *le quatrième jour / дһртенче кһнне* и однокомпонентным *au matin / иртһн* темпоральными обстоятельствами. Формы настоящего времени (*Présent* и *Хһзерге Заман*) синтагм *aime / яратам* выражают значение нонкальной симультанности моменту речи, т.е. ситуации диалога. Глагол *люблю* относится к лексико-семантической группе глаголов эмоционального состояния: *вообще люблю, всегда*. Данный элемент темпорального контекста может рассматриваться как инклюзивное целое, включающее момент речи как вербальную констатацию данного состояния, что, в свою очередь, влечет за собой *очередное* из цепочки *неоднократных* действие (*пойдем посмотрим*), выраженное глагольной синтагмой *allons voir* непосредственного будущего (*Futur Immédiat*) во французском языке или синтагмой *карап торабыз* настоящего (*Хһзерге заман*) в значении будущего в татарском языке и на глубинно-семантическом уровне репрезентирующее значение следования.

(2) – ...car il est bon que vous sachiez, monsieur d'Artagnan, que j'ai reçu des plaintes graves contre vous [11, р. 107]. – ...сезнеһ лһчен исһ бигрһк тһ ышанычлы химаяче булдыру кирһк, чһнки сезгһ, д'Артаньян һфһнде, шуны белеп тору да зарар итмһс: *миһа сезнеһ лһтһн китди шикаятһлр килгән* [3, б. 375]. – ...ибо вам небесполезно будет узнать, господин д'Артаньян, что мне поданы на вас серьезные жалобы... [2, с. 400].

Темпоральный контекст представлен синтагмой в форме *Passé composé / Нһтиқһле ыткһн заман* со значением нонкального предшествования моменту речи, а первая половина фразы в субжонктиве не обладает фактивной пропозицией.

Таким образом, изоморфизм двух языков заключается в том, что временные формы *Passé composé* и *Нһтиқһле ыткһн заман* могут выражать глагольную референциальную точку, а также реализовывать системное значение нонкального предшествования и, в зависимости от контекста, тонкального предшествования.

Референциальный статус пространственной полиситуативности предполагает возможность ее интеграции в контексты со значениями нонкального и тонкального предшествования, реализуемые перфектными временными формами. Посредством ввода количественных маркеров в высказывание выражается множество гомогенных ситуаций, именуемое квантификативно-детерминированной полиситуативностью. Пространственная полиситуативность представляет собой блок гомогенных синхронных ситуаций линейной направленности, параллельных оси времени.

Сопоставительное исследование примеров демонстрирует, что в традиционном значении нонкального предшествования синтагмы в форме перфекта репрезентируют пространственную полиситуативность при условии, что моменты единичных ситуаций не включают референциальную точку, а только соотносятся с ней (3), (4).

(3) – *Oui, Sire, et un homme blessé, de sorte que trois mousquetaires du roi, dont un blessé, et un enfant non seulement ont tenu tête à cinq des plus terribles gardes de M. le cardinal, mais encore en ont porté quatre à terre* [11, p. 85]. – Дьрес, галикһнап, берсе яралы һле, шулай итеп, *корольнеһ лъч мушкетеры* – арада берсе яралы цһм тагын бер малай кардинал *хһзрһтлһренеһ иһ атаклы биш гвардиячесенһ бирешмицһ каршы торганнар*, хһгта дьртесен егып салганнар [3, б. 59]. – Да, ваше величество, и один раненый, так что трое королевских мушкетеров, из которых один был ранен, и с ними один мальчик устояли против пятерых самых прославленных гвардейцев господина кардинала и даже уложили четырех из них [2, с. 64].

Темпоральный контекст прямой речи предполагает наличие нонкальной референциальной точки. Синтагмы-репрезентанты пространственной полиситуативности в *Passé composé* и *Нһтикһле ьткһн заман ont tenu tête / бирешмицһ каршы торганнар, ont porté / егып салганнар* имеют традиционное для форм перфекта значение нонкального предшествования.

Интегрированный полиситуативный контекст выражен количественным несопадением субъектов и объектов. Интервалы ситуаций объединены значением нонкального предшествования. Их количество определяется мультисубъектностью *trois mousquetaires du roi / корольнеһ лъч мушкетеры*, а длительность интервалов ограничена на оси времени нонкальной точкой.

(4) *Aux cris qu'elle a poussés les laquais sont accourus, elle était folle de colère...* [11, p. 86]. Аныһ кычкыруына лакейлар йьгереп килде, ярсуйннан ьз-ьзен белештерми башлаган иде инде ул [3, б. 361]. На ее крики сбежались лакеи, она была вне себя от ярости [2, с. 385].

Темпоральный контекст предполагает значения тонкального предшествования синтагм в *Passé composé* и *Билгеле ьткһн заман sont accourus / йьгереп килде* и тонкальной simultанности синтагм в *Imparfait / Кьптһн ьткһн заман était folle / белештерми башлаган иде* относительно неглагольной тонкальной референциальной точки, выраженной процессным именем существительным *aux cris qu'elle a poussés / аныһ кычкыруына*, определяемым придаточным предложением во французском языке и притяжательным детерминативом в татарском языке.

Пространственная полиситуативность представлена синтагмами в формах *Passé composé* и *Билгеле ьткһн заман sont accourus / йьгереп килде* со значением тонкального предшествования. Блок синхронных ситуаций объединен значением их завершенности до тонкальной референциальной точки. Пространственная полиситуативность потенциально может быть референтна в перфектных формах из-за возможности выражения ими референциальной точки.

Таким образом, в случае репрезентации пространственной полиситуативности синтагмами в формах перфекта – *Passé composé* и *Нһтикһле ьткһн заман* – интервалы гомогенных синхронных ситуаций завершаются до нонкальной точки без обязательного условия одновременности и при условии их невключенности. Включенность носит контекстуально обусловленный, интерпретационный характер. Способ репрезентации пространственной полиситуативности не влияет на ее референциальный статус. Референциальный интервал может совпадать с темпоральными сегментами единичных синхронных ситуаций при условии, что синтагма-репрезентант выражает его глагольно во временной форме перфекта.

Список литературы

1. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
2. Дюма А. Три мушкетера / пер. с фр. В. С. Вильдман, Д. Г. Лившиц и К. А. Ксаниной. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 640 с.
3. Дюма А. Лъч мушкетер / Я. Халитов тһркемһсе. Казан: Татарстан китап нһширяты, 1979. 592 б.
4. Закамулина М. Н. Темпоральность во французском и татарском языках: слово, высказывание, текст (сопоставительное исследование). Казань: Татарское книжное изд-во, 2000. 288 с.
5. Закамулина М. Н., Лутфуллина Г. Ф. Темпоральный контекст как средство детерминации референциального статуса именной группы. Казань: КГЭУ, 2009. 155 с.
6. Сент-Экзюпери А. Маленький принц / пер. Н. Галь. СПб.: Азбука, 2001. 176 с.
7. Сент-Экзюпери А. Нһни принц / пер. Р. Валиева. Казань: Мһгариф, 2000. 96 б.
8. Харисова Ч. М. Татар теле. Морфология. Казан: Мәгариф, 2010. 128 б.
9. Хисамова В. Н. Глагольная система татарского и английского языков: сопоставительный анализ в аспекте изучения английского языка на базе родного (татарского) языка. Казань: Изд-во КГУ, 2004. 252 с.
10. Desclés J.-P., Guentcheva Z. Comment déterminer les significations du passé composé par une exploration contextuelle ? // Langue française. Paris: A. Colinie, 2003. № 138. P. 48-61.
11. Dumas A. Les trois mousquetaires. М.: Прогресс, 1974. 470 p.
12. Kleiber G. Entre les deux mon coeur balance ou L'imparfait entre aspect et anaphore // Langue française. Paris: A. Colinie, 2003. № 138. P. 8-20.
13. Riegel M., Pellat J.-C. et R.Rioul. Grammaire méthodique du français. Paris: PUF, 1994. 646 p.
14. Saint-Exupéry A. Le petit prince. М.: Икар, 2002. 90 p.
15. Vet C. Le passé composé, contextes d'emploi et interprétation // Cahier de praxématique. Paris: 1994. № 19. P. 37-59.

FEATURES OF REFERENTIAL STATUS OF SPATIAL POLY- SITUATIONALITY IN TEMPORAL FORMS OF PERFECT IN THE FRENCH AND TATAR LANGUAGES

Zakamulina Milyausha Nurullova, Doctor in Philology, Professor
Lutfullina Gyl'nara Firdavisovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Kazan' State Power Engineering University
gflutfullina@mail.ru

The authors consider the features of implementation of referential status of spatial poly-situationality category by perfect temporal forms in the French and Tatar languages, and conclude that in both languages perfect is able to determine the referential status of poly-situationality, and also to realize the meaning of nunc and tunc precedence.

Key words and phrases: temporal reference; temporal context; verbal referential point; situationality; perfect.

УДК 811.111'42

Филологические науки

Статья раскрывает содержание таких понятий как образная и конвенциональная метафора, которые реализуют культурный концепт КОНФЛИКТ, а именно его образно-ценностную составляющую. Цель автора - установить данную составляющую, которая способствует очертанию лингвокультурной специфики концепта КОНФЛИКТ. Исследование метафор и сравнение американской и британской культур выполнено на материале англоязычных политических речей.

Ключевые слова и фразы: концепт; понятийная, образная и ценностная составляющие концепта; образная метафора; конвенциональная метафора.

Заньковская Анна Дмитриевна

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича, Украина
hanna1984@ukr.net

ОБРАЗНО-ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА *КОНФЛИКТ* (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЧЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ И БРИТАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ)[©]

Существуют когнитивный и лингвокультурный подходы к определению понятия концепт. Представителями лингвокогнитивного направления являются А. П. Бабушкин (1996), Е. С. Кубрякова (1996), З. Д. Попова и И. А. Стернин (2001, 2003, 2007) и др. Представителями лингвокультурологического направления являются Н. Д. Арутюнова (1993, 1999), В. И. Карасик (2002), Г. Г. Слышкин (2000), Д. С. Лихачев (1993, 1997), Ю. С. Степанов (1997, 2001), С. Г. Воркачов (2007), С. Х. Ляпин (1993, 1997), В. В. Красных (2002, 2003), В. А. Маслова (2001, 2008) и др. Они подчеркивают тесную связь культуры и концепта. Последователи данного подхода определяют концепт как культурно маркированную единицу коллективного знания/сознания, которая имеет языковое выражение и отмечена этнокультурной спецификой.

Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, которые используются в разных областях лингвистической науки, акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [4, с. 77].

С. Г. Воркачов выделяет «понятийную составляющую, которая отбивает знаковую и дефиниционную структуру концепта; образную составляющую, которая фиксирует когнитивные метафоры, которые поддерживают концепт в языковом сознании...» [3, с. 80].

Для нашего дальнейшего исследования лингвокультурного концепта нами отмечены именно понятийная, образная и ценностная его стороны. Понятийный элемент формируется фактической информацией о реальном или мнимом объекте. Понятийная сторона концепта - это языковая фиксация концепта, его обозначения, описание, знаковая структура, дефиниция. Образная составляющая концепта связана со способом познания действительности. Так как концепт является единицей культуры, он должен содержать в себе ценностную составляющую. Концепт выступает в качестве той структуры сознания, в которой фиксируются ценности социума.

Структуризация одного концепта в терминах другого в пределах когнитивной лингвистики рассматривается как процесс метафоризации.

Схема связи между понятийными сферами, которая существует или образуется в сознании носителя языка, называется метафорической моделью. Метафорические модели формируют метафорический образ - ментальную единицу, стойкое представление об объекте окружающей действительности, структурированное